

Можно сказать, что в последние майские дни фестивалем был охвачен весь город. Его площадками стали не только академические стены Пермского театра оперы и балета и Органного зала, но и Дом Дягилева (в нём сейчас гимназия, носящая имя импресарио), и выставочный центр «Пермская ярмарка», и фестивальный клуб, возведённый в театральном сквере среди цветущей сирени, музеи и даже торгово-развлекательный комплекс. Портрет молодого Сергея Дягилева разместили не только на фасаде театра и театральных тумбах — едва ли не каждый городской автобус был украшен лицом юного мэтра, ещё не обзаведшегося знаменитой седой прядью и моноклем.

У зрителей фестиваля была возможность услышать музыку в диапазоне от Баха и Моцарта до Гласса и Десятникова (один из вечеров целиком был посвящён апологету постмодернизма, стилизатору и эстету Леониду Десятникову, в этом году празднующему 60-летие), внимать лучшим музыкантам мира, чей график расписан на годы вперёд, увидеть нашумевшие спектакли (таковы фантастические «Вакханки» Теодороса Терзопулоса, поставленные для московского «Электротрагедия «Станиславский»).

Балетный театр в этом году был представлен двумя спектаклями: постановкой Акрама Хана Kaash (2002) в исполнении его же команды танцовщи-

ков Akram Khan Company, базирующейся в Лондоне, и премьерой балета Алексея Мирошниченко «Условно убитый», исполненного пермскими артистами.

«Условно убитый» (1931) в связке с оперой-буфф «Оранго» (1932) открыл фестиваль. Спектакли объединены временем, о котором повествуют, оформлением в стиле художницы-авангардистки Александры Экстер (сценография Андрея Войтенко, костюмы Татьяны Ногиновой) и музыкой Шостаковича.

В аккурат к 100-летию композитора произошло настоящее чудо: во Всероссийском музейном объединении музыкальной культуры им. М. И. Глинки была найдена папка, где в числе прочего обнаружили так называемые сочинения-фантомы. Об их существовании исследователям известно из писем Шостаковича, афиш, газетных заметок, но вот партитуры так и не отыскались. Ирина Антоновна Шостакович (вдова Дмитрия Дмитриевича) предложила Пермскому театру использовать находки — так и возникли премьерные спектакли, названные «Шостакович-проект».

Темы обоих спектаклей на удивление злободневны. Первый, «Оранго», повторяя сюжет булгаковского «Собачье сердце», повествует о гибриде человека и обезьяны по имени Оранго. По головам коллег и друзей он поднимается к высотам власти, а затем воз-

вращается в первобытное состояние. Словом, история Шарикова, только вместо собаки обезьяна. Шостакович уже написал пролог, но то ли авторы (Алексей Толстой и Александр Старчаков, последний в 1937 году был расстрелян как враг народа) испугались возможных аллюзий с вождём, то ли тема в какой-то момент показалась им исчерпанной, но только опера, заказанная Большим театром, так и не была дописана, необходимость писать музыку отпала сама собой.

Этот сохранившийся и вновь обретенный пролог и стал одноактной оперой «Оранго», поставленной Теодором Курентзисом и Алексеем Мирошниченко. Пролог возвращает нас к финалу истории, к тому моменту, когда всё человеческое в гибриде задушено обезьяньими, а хор повторяет «Посмеёмся, посмеёмся // Над бесплодной попыткой // Управлять штурвалом жизни // Обезьяньими руками».

Танцуют в опере не только балетные артисты — танцы тройки солистов, а точнее солистки Насти Терпсихоровой (Инна Биладш), можно назвать дивертисментом. Мирошниченко заставил танцевать и хор, и оперных певцов.

Главная же ценность всей затеи — это, безусловно, неизвестная музыка молодого Шостаковича — смелая, острая, задорная, полная надежд, блестяще исполненная оркестром под управлением Теодора Курентзиса.